

А
Борис Зайцев

Вячеслав Иванов

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Ранняя молодость, небольшая квартира в Спасо-Песковском на Арбате.

Вечер. Сажу за самоваром один, жена куда-то ушла. В передней звонок. Отворяю, застегивая студенческую тужурку. Пришел Вячеслав Иванов с дамой, очень пестро и ярко одетой. Сам он высокий, мягко-кудреватый, голубые глаза, несколько воспаленный цвет кожи на щеках. Светлая борода. Общее впечатление мягкости, влажности и какой-то кругловатости. Дама -- его жена, поэтесса Зиновьева-Аннибал.

Смущенно и робко приветствую их -- как мило со стороны старшего, уже известного поэта зайти к начинающему писателю, еще колеблющемуся, еще все на волоске... Учишься в университете, только что начал печататься, выйдет из тебя что-нибудь или не выйдет -- все еще впереди: 1905-й год!

Вячеслава Иванова знал я тогда очень мало, где-то бегло встречались, не у Чулкова ли, моего приятеля, "мистического анархиста"? Оба они принадлежали тогда к течению символизма, но и с особым подразделением -- "мистического анархизма" (и оба кончили христианством: Чулков православием, Иванов принял католичество).

Гость оставляет несколько старомодную крылатку и шляпу в прихожей, мы усаживаемся за самоваром -- два странных гостя мои сидят в начинающихся сумерках -- соединение именно некоей старомодности с самым передовым, по-теперешнему "авангардным", в искусстве. Я угощаю, чем могу (чаем с притыкинским вареньем). Но тут дело не в угощении. Вячеслав Иванович из всякого стакана чая с куском сахара мог -- и устраивал -- некий симпозион. Да, было нечто пышно-пиршественное в его беседе, он говорить любил сложно, длинно и великолепно: другого такого собеседника не встречал я никогда. Словоохотливых, а то и болтунов -- сколько угодно. Вячеслав же Иванов никогда не был скучен или утомителен, всегда с_в_о_е, и новое, и острое. Особенно любил и понимал античность. Древнегреческие религии, разные Дионисы, философии того времени -- вот где он как дома. Если уж говорить о родственности, то этот уроженец Подмосковья (был он родом, если не ошибаюсь, из Каширского уезда) ¹ -- вот он-то и оказался праправнуком Платоновых диалогов.

У меня, в сумерках арбатской комнаты, сейчас же начал на тему более чем скромную: только что вышел в молодом журнале петербургском "Вопросы жизни" мой рассказ небольшой "Священник Кронид". Рассказ импрессионистический, быстрого темпа, но все дело для Вячеслава Ивановича в имени, названии. Как только наскочил он на имя Кронид, так и понесся: тут и Юпитер, Зевс, громовержец и творец -- утвердитель стихий, земной жизни, природы, радости бытия здешнего и мощи... Такое, о чем я и в помыслах не имел, воспевая кряжистого и здоровенного Кроида, у которого пять сыновей, тоже здоровенных, священника благообразного, но и хозяина, отчасти даже помещика.

Нечего скрывать: ни о каких символизмах, ни о какой античности и возношении земной силы я не думал, когда писал эту нехитрую деревенскую поэмку (в прозе). Во всяком случае, тогда, у себя за чаем, в своей студенческой тужурке, робко поддакивал известному поэту.

Кажется, подошла потом моя жена, заговорила оживленно с многоцветной Зиновьевой-Аннибал. Но остановить Вячеслава Иванова было трудно, и, начав с моего Крониды, он прочел нам целую лекцию -- да какую! Так вот и превратился скромный арбатский вечер в небогатой студенческой квартирке в настоящий словесный пир. Но, конечно, на симпозионе этом говорил он один. И слава Богу! Куда нам за ним угнаться.

* * *

Жизнь же шла. Это был предвоенный предгибельный расцвет символизма, импрессионизма -- немало до революции было "измов" в литературе, и сама литература кипела. По-разному можно относиться к ней, но дух Мачтетов и Баранцевичей ², провинцию восьмидесятых и девяностых годов она